

По образованию я японоведа, и мне приходилось много писать о Японии, в основном по внешней политике этой страны. Естественно, мимо моего внимания не могли пройти работы тех ученых, которые так или иначе принимали участие в формулировании внешнеполитических доктрин, или как минимум оказывали влияние на их формулирование. Подробно об этих доктринах и об ученых, причастных к ним, я писал в нескольких работах, но прежде всего в монографиях «Внешняя политика Японии» (1986) и «Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность» (1997).

Уже в те времена я обратил внимание на то, что среди множества ученых-международников, довольно редко попадались ученые-теоретики международных отношений (МО). Возможно, именно в этом была причина того, что ни в Советском Союзе, ни даже в США или Западной Европе мне не встретилась ни одна монография, написанная японскими теоретиками МО. Это не означает, что их не было. Они были, но писались они в иной форме, отличной от той, к которой относят теоретические работы по западным стандартам. Японская форма изложения отличается настолько, что не случайно задается вопрос: а существуют ли теории МО в Японии?

Убежден, что российские японоведы ответили бы на этот вопрос утвердительно по одной простой причине: они не отличают ученых-международников от ученых-теоретиков МО. Точнее, они об этом просто не задумываются.

Ответ же самих японцев не столь однозначен. И чтобы это понять, я прибегну для начала к статье, пожалуй, самого известного на Западе японского ученого Иногути Такаси¹. Но для понимания содержания его статьи, равно как и моих последующих рассуждений, предварительно необходимо объяснить суть особого типа мышления японцев.

Тип мышления японцев

Сущность любой нации, ее специфика проявляются в типе мышления, который особенно резко бросается в глаза при сопоставлении друг с другом. Эта тема довольно обширная и обычно анализируется на стыке нескольких обществоведческих наук. Здесь я коротко ограничусь констатацией только некоторых особенностей японского типа мышления, существенно отличающегося не только от западных, но и китайского вариантов.

Для последних характерны строгие религиозно-идеологические принципы на основе христианства или конфуцианства, отвергающие любые побочные примеси других религий и идеологий. Конфликты с внешним врагом объективно требовали

объединения и формирования государств, а для китайцев-ханьцев, помимо этого, необходимо было сохранить свою национальную сущность в условиях господства маньчжуров. Внешние обстоятельства порождали или сохраняли (для Китая) универсальные идеологии, провозглашавшие моральное превосходство над внешним миром и над врагами. Это, в свою очередь, служило базой для формирования рационального мышления.

Исторический опыт Японии был иной. Своеобразное сочетание географического фактора (расположенность на периферии мировых цивилизаций), специфика исторического развития (самоизоляция на протяжении более 200 лет) и благоприятные внешние условия (отсутствие внешнего врага) – все это не стимулировало создание какой-либо целостной религиозно-философской основы. Как пишет профессор Политехнического института в Токио Нагаи Ёносукэ, Японии не было необходимости «создавать государственную идеологию для противодействия Европе, Индии, Китаю и другим великим империям»². Результатом явился религиозный синкретизм, позволивший безболезненно адаптировать буддизм и конфуцианство при сохранении собственно японских, синтоистских представлений о мире. А с конца XIX в. японцы заодно успешно усвоили и западные духовные ценности как буржуазного, так и пролетарского направления.

Необходимо подчеркнуть также, что внутренняя структура японского общества исключала насильственное навязывание идеологий в виде некой «ортодоксальной теории», как это практиковалось, например, в соседнем Китае. Хотя правительство Бакуфу (в период эпохи Токугава) имело свои официальные школы, в Японии существовало множество частных школ, пропагандировавших различные идеи. Причем все эти идеи и идеологические течения не перемалывались в одну господствующую идеологию. В феодальный период она оставалась полифонической. Лейтмотив появился позже: по мере вхождения Японии в капитализм. При этом в качестве идеологического лейтмотива на первый план выдвинулся синтоизм – исконно японское верование, оказавшееся наиболее удобной формой политико-идеологического обеспечения империалистических устремлений во внешней политике.

Однако над обыденным сознанием японцев вплоть до наших дней продолжает довлеть полифоническая структура мышления, композиционно сформированная таким образом, что каждая ее часть вступает в свои «права» в надлежащее время и в соответствии с определенными обстоятельствами: при рождении ребенка и бракосочетании – синтоистские каноны, во взаимоотношениях между людьми – конфуцианские, обряды погребения и поминовения усопших проводятся в соответствии с буддийскими церемониями. Такой тип мышления крайне своеобразен и

с философской точки зрения. Профессор университета Дзёти в Токио К. Цуруми, разбирая формы разрешения социальной напряженности, считает, что в отличие от Запада и Китая, где признаются противоречия (в философском смысле), японец «не признает ни противоположности интересов, ни противоположности ценностей и идеологий, ни наличия самого противоречия»³. Это означает почти полный отказ от законов даже формальной логики. Такая позиция объединяет в себе невнимание к противоречию и возможность удачного выбора различных функциональных элементов противостоящих сторон. Японское религиозное мышление отрицает «универсальные истины», или, другими словами, оно находит в каждом явлении «универсальные ценности». Подобный подход ограничивает философское исследование явлений.

В свое время известный философ Накаэ Тёмин (1847–1901) выразил следующую мысль, получившую широкое распространение: «В Японии с самых древних времен философии не существует». Основным принципом отношения к природе в Японии выступал «здоровый смысл» и «чистый опыт». На основе этих категорий создавал свою философию Нисида Китаро (1870–1945), адаптировавший многие концептуальные положения американца В. Джеймса и австрийца Э. Маха. По мысли Нисиды, «чистый опыт», присущий японскому мышлению, представляет собой «абсолютно конкретное целостное бытие, включающее в себя не только нерасчлененность субъекта и объекта, но нерасчленённость сознания, ощущения и воли». А потому, считал Нисида, «отрицаются и идеализм, и материализм, основывающиеся на утверждении первоначальной реальности либо духа, либо материи»⁴.

Безусловно, Нисида утрировал специфику «нерасчлененности» японского сознания. В Японии были и есть и материалисты, и идеалисты, и приверженцы других философских или идеологических течений. Дело не столько в «нерасчлененности» последних, а в «мирном сосуществовании» всех этих школ и течений. При этом необходимо все же постоянно учитывать «трехполюсную логику» японцев, накладывающую печать на все существующие там «измы»: отрицание жесткого конфликта, неантагонистичность противоречий и не признание их разрешения за счет утверждения одной из сторон. Это – как правило, но есть и немало исключений. Тем не менее именно такой тип логики определяет своеобразие Японии и в процессе принятия внешнеполитических решений, и формы и способы проведения непосредственно внешней политики⁵, и, конечно же, в сфере теорий и концепций МО.

Течения и традиции в исследованиях по международным отношениям

Теперь возвращаемся к упомянутой выше статье Иноуги Такаси «Почему нет западных теорий международных отношений? Пример Японии»⁶, в которой он пытается ответить на поставленный в ее названии вопрос. Надо иметь в виду, что Иноуги редкий ученый, который одновременно сочетает в себе качества теоретика и международного. Кроме того, его работы очень часто публикуются за пределами Японии, особенно в США.

Итак, он сразу же утверждает: «Я считаю, что теория международных отношений в Японии существует» (р. 51). А далее идет множество «но». Среди которых есть и такое: мол, строгая традиция описательных работ, отличающаяся от позитивистского подхода, препятствовала развитию японской теории МО. Тем не менее он выделяет четыре различных типа «интеллектуальных течений» в данной сфере: 1) учение о государстве (здесь он употребляет немецкое слово – *Staatslehre*), 2) марксистская традиция, 3) историческая традиция и 4) позитивизм, так сказать, «американского стиля».

Понятно, что сказанное не совсем то, что под теориями международных отношений (ТМО) понимают на Западе. Неслучайно Иноуги, разделяя «течения», не называет их науками. Они у него и течения, и традиции, и учения. Совершенно непонятен принцип их деления. Первое течение – *Staatslehre* – просто указывает сферу исследования. В СССР она называлась правоведением (или государствоведением). Под «марксистской традицией» Иноуги понимает «политические и интеллектуальные принципы, которые рассматривают и экзаменуют феномены с упором на диалектику производительных сил и отношений и их политическое проявление» (*ibid.*). Фактически он обозначил методологию марксизма (диалектику) применительно к политэкономии. Но именно под «исторической традицией» Иноуги понимает «методологию, где все должно изучаться исторически на основе проверяемых документов и материалов» (*ibid.*). А термином *позитивизм* он обозначает «идеологический принцип, где все должно быть эмпирически проэкзаменовано и проверено» (*ibid.*).

Любопытно: использованы различные критерии для выделения областей знания, которые привязаны к ТМО. Но японцы, как уже говорилось, могут понимать все иначе. Именно поэтому первые три «течения» у Иноуги отнесены к ТМО, хотя они, как разновидности общественных наук, непосредственно к реальностям МО могут и не относиться. Кстати, сам термин *социальные науки* (сякай кагаку), оказывается, возник из недр марксистской науки в 1920-е годы и фактически был синонимом марксизма, пик интереса к которому пришелся на 1930-е годы. Но и после Второй мировой войны вплоть до конца 1960-х г. марксизм доминировал в социологии, оказывая решающее

влияние на экономические науки, политологию и международные отношения (р. 53). А после окончания Холодной войны приверженцы данного направления получили название «постмарксисты». Некоторые из них трансформировались в постмодернистов, радикальных феминисток и некоммунистических радикалов. В любом случае, уже в 1970-е годы стал происходить процесс демарксизации.

Но самое интересное (и это особенно хотел отметить Иногути) заключается в том, что «эти четыре различных течения весьма четко просматриваются в японских исследованиях международных отношений даже сегодня и весьма мирно сосуществуют без каких-либо стараний взаимно интегрироваться». (р. 54). Очень сильно напоминает ситуацию в сфере религии.

Обратимся, однако, к американским образцам ТМО. Точнее, к тому, как их «переваривают» японцы.

В свое время мое внимание привлек тот факт, что японские международники, довольно часто ссылаясь на американских теоретиков, как-то не совсем следовали их принципам анализа. Нет, они их не игнорировали, но добавляли нечто свое, что превращало американский научный «продукт» в более изящную японскую «вещь». Мне данное явление напомнило превращение американских истребителей F-15, закупленных японцами в США для своих ВВС, в японские F-15J. То есть изначальный вариант истребителя превратился в японизированный, который по каким-то параметрам даже превосходил оригинал. Так же и с теориями МО.

Хотя я и догадывался в чем причина, но Иногути добавил информацию, объясняющую этот феномен. Он пишет, что членами Японской ассоциации международных отношений являются чуть более 2000 человек (на 2005 г.), из них только 6% имеют американскую степень PhD, в то время как среди членов аналогичной организации в Южной Корее – 60% (р. 54). Другими словами, японцы менее подвержены американскому влиянию, чем корейцы или другие нации Восточной Азии. Иногути в этой связи подчеркивает, что Япония не была колонизирована западными державами, как Китай, Тайвань, Корея, не говоря уже об Индии, Пакистане, Сингапуре, Бангладеш, Малайзии и Филиппинах. И поэтому она избежала синдрома слепого преклонения перед Западом. И даже после Второй мировой войны, несмотря на оккупацию страны американцами (1945–1952 гг.), Япония сохранила свою сущность, возможно, даже утрировав ее как бы в ответ на оккупационное унижение. Иногути постоянно подчеркивает, что «Япония – часть Азии, но в определенном смысле отделена от Азии». Она как бы создала японо-центричный мировой порядок, в котором внешние акторы имеют с ней отношения по принципу вассалитета (р. 63). Другими словами, Япония настолько самостоятельная нация, что сама способна производить

любые теории, не сгибаясь перед Западом⁷. Это косвенно сказалось и на том, что модные американские течения в ТМО типа бихевиоризма не прижились на японской почве.

Если определять теории МО в американском стиле, т.е. через ее позитивистские теории в узком смысле, пишет Иногути, тогда следует признать, что в Японии «нет японских теорий международных отношений» (р. 62). То есть с точки зрения западных представлений в Японии нет ТМО. Но если в теории МО включить конструктивистские, нормативные и юридические теории, тогда «мой ответ... да, они есть» (ibid.).

В Японии издается громадное количество книг по МО вообще и по ее отношениям с конкретными государствами, в особенности, естественно, с США, КНР, странами СВА и ЮВА. Но авторами большинства из них выступают журналисты-международники. Это чисто описательные работы, предназначенные для широкой публики. Академических ученых среди них не так много. Из тех же, кто входит в упомянутую Японскую ассоциацию международных отношений, большинство относятся скорее к политологам, т.е. к тем, кто занимается политическими партиями, выборами, проблемой бюрократии. Теоретиков МО среди них крайне мало.

При этом надо иметь в виду, что разница между учеными-теоретиками США и Японии заключается также в том, что в США теоретики имеют престижные позиции как в самих университетах, так и при правительственных организациях. Нередко они занимают довольно высокие посты в Госдепартаменте или в Министерстве обороны. Активное участие они принимают и при составлении внешнеполитических доктрин для партии, которая у власти.

В Японии сложилась иная ситуация. Во-первых, как уверяет Иногути, до сих пор (2010 г.) нет самостоятельных факультетов политических наук (не говоря уже о факультетах МО). Во-вторых, в процессе составления доктрин после войны в команды ад-хок в основном набирались журналисты-международники, а не академические ученые. (От себя хочу уточнить: так было где-то до середины 1970-х годов. Но начиная уже с формулирования доктрины комплексной национальной безопасности в эти группы активнее стали включать профессиональных международников.) В-третьих, несмотря на это, их статус все равно не адекватен статусу американцев.

И все же американский стиль анализа МО постепенно внедряется в исследовательское поле японских теоретиков, прежде всего через школу политического реализма. В качестве примера можно привести монографию Курокава Сюдзи, которая, что любопытно, на японском языке называется «Современные теории международных отношений», а на английском – «Международные отношения сегодня»⁸. Как видим, в английском переводе слово «теория» исчезло из названия. С

самого начала автор пишет: «Центром теории МО является международная политика... Основными исследовательскими объектами являются дипломатия государств и проблемы безопасности» (с.11). Посылка основана на идее школы политического реализма, привязанной к теории баланса сил, о том, что главным актором на международной арене является государство, а в центре МО находятся проблемы безопасности. На самом же деле к теории данная монография не имеет никакого отношения, а является классическим анализом в духе истории международных отношений от Вестфальского мира до событий 9/11.

Но здесь опять же может возникнуть чисто японская специфика, которую необходимо учитывать всем, изучающим МО по-японски.

Дело в том, что японские теоретики и международники иначе понимают многие термины, в частности *идеализм* и *реализм*, когда речь идет о теоретических школах. Например, Иногути в упомянутой работе пишет, что с 1945 г. до Вьетнамской войны японские международники изучали МО с позиции идеализма, а с 1975 г. – с позиции реализма. Но означает это следующее.

Под идеализмом я имею в виду тенденцию, когда во главу угла ставят пацифизм в соответствии с 9-й статьей Конституции и пониженную роль Японии в контексте японо-американского Договора безопасности. Под реализмом я имею в виду тенденцию, когда альянс с США рассматривается как высший приоритет [японской внешней политики], а роль Конституции, в том виде, как она была изначально подготовлена, снижается (р. 58).

Иными словами, идеализм – это политика, соответствующая девятой, мирной статье Конституции, т.е. без силового элемента во внешней политике, реализм – наоборот, тесный военно-политический союз с США без оглядки на нынешнюю Конституцию. Как видно, никакого отношения к теоретическим дебатам между школами реализма и идеализма в западном понимании в таком подходе нет.

Подобные необычные интерпретации относятся и к другим терминам, которые в Японии не воспринимаются как понятия. К примеру, такое важное слово, как позитивизм. Для американцев и для русских это прежде всего философское направление, идеи которого используются в различных науках, в первую очередь в социологии и теориях МО. Для японцев же это не направление философии, а самостоятельная наука. Вот определение, данное в одной из книг по ТМО. Авторы, Ёсикава Наото и Ногуту Кадзухико, пишут: «Позитивизм – научная теория, в которой научные знания являются единственными истинами. Это такие научные знания, которые объясняют и описывают длительность и сосуществование объективных явлений (включая явления природы и общества)... В теории международных

отношений существуют три разновидности позитивизма: как теория сознания, совпадающая с прагматизмом; как метод научного исследования, базирующийся на серии правил; как бихевиоризм, который применяет количественный анализ. Необходимо иметь в виду, что термины позитивизма, имеющие отношение к теории МО, могут различаться по смыслу в зависимости от контекста»⁹.

Из процитированного определения очевидно, что *такой* позитивизм имеет мало общего с западными представлениями. Авторы не смущает, что у них «термины могут различаться по смыслу» в зависимости от контекста. Такая философия как раз и отражает приведенное выше суждение Накаэ Тёмин, что в Японии «философии не существует». Было бы точнее сказать, что у японцев другая философия, и это постоянно надо иметь в виду.

Японские международники о некоторых явлениях периода Холодной войны

Чтобы понять, сколь специфичны представления японцев о МО, есть смысл воспроизвести их толкования некоторых явлений международной жизни периода Холодной войны. Эти явления отражены в понятиях «полюс», «интересы», «безопасность», «сила».

Известно, что в годы Холодной войны была распространена теория «полярности», особенно пропагандировавшаяся теоретиками школы политического реализма. В начале 1970-х годов среди теоретиков шли дискуссии о том, продолжает ли сохраняться биполярность или в результате экономического усиления Общего рынка и Японии она трансформировалась в многополярность. Более того, многие японские международники в то время всерьез обсуждали, какую стратегию и тактику необходимо выработать Японии в условиях нарождающейся многополярности¹⁰. Правда, многие из них не соглашались с «горизонтальной структурой многополярности». Имелось в виду, что сам термин *полюс* представляет усредненную сумму неких сил, составляющих его содержание. Некоторых из теоретиков смущал, например, факт подавляющего военного превосходства США и СССР над другими «полюсами». Это заставляло вносить дополнения в «многополюсную» теорию. Профессор Ханаи Хитоси, один из крупнейших теоретиков в области международных отношений в Японии, пытался избежать противоречия путем дробления полюсной структуры по вертикали. Он исходил из того, что многополюсность характерна для экономических и политических отношений, в военной же сфере сохраняется биполярность¹¹.

Однако более «теоретизированный» и, пожалуй, более интересный вариант толкования международной структуры *на начало 70-х годов* дает японский ученый-системник, профессор университета Тюо С. Такаянаги. Во-первых, он в отличие от многих своих западных коллег того периода четко различает понятия *международная система* («кокусай систэму») и *мировая система* («сэкай систэму»). Для первого из них, по его мнению, характерно взаимодействие национальных государств в качестве основных субъектов политики, второе понятие более широкое, оно охватывает отношения не только между государствами, но и между международными организациями (профсоюзы, транснациональные компании и т. д.). Во-вторых, японский ученый исходит из того, что термин *международная обстановка* («кокусай канкё») обладает не только пространственно-географическими признаками, отражающими структуру системы, но и вбирает в себя качество структуры, ее социальное содержание. Противостояние Востока и Запада, по его мнению, фактически означает противостояние между «революцией и контрреволюцией»¹². Другими словами, противостояние между реакционным империалистическим Западом и сопротивляющимся ему революционным Востоком. То есть в отличие от западных международников он наполнил нейтральную системную структуру социальным содержанием почти что в духе маодзэдуновских теорий международных отношений. На этом Такаянаги не останавливается. Опираясь на принцип взаимосвязи и взаимозависимости «международной и мировой систем», он полагает, что даже более гибкая концепция «военной биполярности», «политической трехполюсности» и «экономической пентаполярности» не может объяснить сложность международных отношений, так как эта теория фиксирует наше внимание на «полюсе», в то время как «в системе международной политики» имеется множество измерений. Их игнорирование, по его мнению, означает «превращение реальных политических явлений в упрощенную абстракцию и привнесения искажений в анализ сложной действительности». Сам же Такаянаги полагает, что «биполярность» сохранилась и в 70-е годы, только она приняла скрытые черты, выступая в виде «молчаливой биполярности». Ход его рассуждений следующий. Установление ядерного паритета между США и СССР сдерживает противоборство этих двух держав, так как разрешение противоречий между ними с использованием ядерного оружия привело бы к самоубийству. «Даже применение обычной военной силы не дает выгоды для сторон», – отмечает ученый. Но поскольку ядерное равновесие не привело к сотрудничеству между сверхдержавами на основе партнерства, то «молчаливая биполярность» сохраняет свою силу и особенно проявляется в критических ситуациях. Вместе с тем соперничество между США и СССР, которые не могут использовать

военную силу, в том числе и ядерную, дает возможность другим государствам более активно участвовать в международной политике. Это обстоятельство дополняет горизонтальную «скрытую биполярность» вертикальным «полицентризмом». «То, что называют *явлением многополярности*, – это не что иное, как теория, указывающая на иерархичность политики полицентрического характера», подтверждающаяся, по мнению Такаянаги, такими факторами, как сильный антиамериканизм Франции, трения в американо-японских отношениях, антагонизм между СССР и КНР и т. д.¹³.

Здесь взгляды японского ученого почти ничем не отличаются от подхода американских теоретиков-реалистов. Но он идет дальше их. Такаянаги полагает, что на мировую систему помимо государств влияют и другие факторы, в результате чего океан мировой политики бороздят, по его мнению, три крупных лайнера: на одном из них расположились государства, на другом – международные организации, на третьем – транснациональные компании¹⁴. Признавая в качестве центрального звена отношения между государствами, он убежден, что картина международной жизни, заключающейся в «перераспределении ценностей», складывается из взаимодействия всех ее участников, включая и негосударственные субъекты политики.

Безусловно, данная версия обладает большими достоинствами, нежели предыдущие варианты, однако и ей присущ один существенный недостаток. Как и всем направлениям теоретических изысканий западной политологии, в ней не хватает понимания истоков этого «перераспределения ценностей», истоков борьбы за эти ценности и социальной природы этой борьбы. Но эти вещи меньше всего волновали японских международников. Их больше интересовало, какую выгоду может извлечь Япония из структуры «многополярности». По словам тогдашнего премьер-министра Японии Т. Фукуда, она позволяла «средним странам» в большей степени «обеспечивать собственные государственные интересы»¹⁵.

Аргументированно эту идею изложил упоминавшийся Ханаи. По его мнению, блоковая система служила целям лидеров каждого лагеря, т. е. США и СССР, в ущерб государственным интересам их союзников. Причем в основание этих целей были заложены главным образом идеологические мотивы, наносившие вред развитию экономических связей средних и малых стран, входивших в противостоящие блоки. Переход к «безблоковой системе» уменьшает зависимость членов блока от их лидеров и дает возможность им проводить более самостоятельный курс. В результате, пишет Ханаи, «собственные государственные интересы этих стран становятся более важными, нежели интересы блока». Примером подобного поведения он считает действия Китая и стран Западной Европы (но не Японии!), «которые, хотя и придерживались собственной идеологии, в то же время нацеливали свою внешнюю

политику на обеспечение государственных интересов». Следовательно, делает вывод автор, «США и Советский Союз были не в состоянии определять действия акторов своего блока, исходя из идеологического противоборства и пользуясь экономическим и военным превосходством»¹⁶.

Хочу обратить внимание читателя на то, что на какие бы темы ни теоретизировали японские международники, любую из них они рассматривают с практической точки зрения, для конкретной ситуации, для конкретной политики. Это их отличает от теоретиков-международников Запада, которые могут настолько уйти в заоблачные высоты, что подчас теряют связь с реальностью.

Вот сюжет, связанный с темами «интересы», «государство» и «безопасность». Известно, что концептуальными основами, определяющими принципы внешней политики государств, обычно служат доктрины «национальных интересов» и «национальной безопасности». В зависимости от оценки международной и внутривнутриполитической ситуации эти доктрины могут принимать различный вид. Что касается первой из них, то все определения «национальных интересов» обычно формулируются на основе интересов тех групп, или, как сказали бы марксисты, классов, которые находятся у власти. Это понимают и не особенно скрывают теоретики-международники на Западе. Японским же теоретикам кажется, что у них, в Японии, не так. Тот же Ханай, например, полагает, что национальные интересы Японии после Второй мировой войны формировались под влиянием равнозначного взаимодействия интересов народа, государства, различных партий и групп давления, бюрократических организаций и правительства. Следовательно, делает вывод ученый, «национальные интересы – это общая сумма ценностей, вытекающая из различных требований внутри общества»¹⁷. Если бы это было так, то *общество* не раздирали бы противоречия по поводу тех или иных шагов Японии на международной арене, которые выражались не только в жестких дебатах в парламенте, но и в столкновениях на улицах, особенно в 1960–1970-е годы. Но это уже другая тема.

В начале 80-х годов японские ученые сконцентрировали внимание на понятийной стороне термина «национальная безопасность». Интерес к теме был вызван необходимостью обосновать официальный курс Токио, который стал осуществляться на базе доктрины «национальной безопасности». Впервые в японской политологической литературе было дано определение термина «безопасность». Его сформулировал в то время еще ассистент-профессор Института восточной литературы при Токийском университете многократно упоминавшийся Иногути Такаси. Взяв за основу рассуждения финского политолога Аймо Пайюнена, Иногути следующим образом расшифровывает это понятие:

Под безопасностью государства понимают наличие возможностей для свободы действий в достижении целей, которые, на мой взгляд, государству категорически необходимо защищать в случае существования скрытой или реальной угрозы, главным образом внешней и во вторую очередь внутренней¹⁸.

Ключевыми в этом определении выступают термины *цель, государство, угроза*. Разъясняя их суть, Иногути пишет, что если у государства нет «целей» или «государственных интересов», то бессмысленно говорить и о «политической безопасности». Содержание же «государственных интересов», подчеркивает японский ученый, сводится, «как и прежде, к достижению доминирующей роли государства в международных отношениях». Но поскольку, по его мнению, чуть ли не все государства преследуют аналогичные цели, они «подвергаются скрытой или реальной угрозе, так как на земном шаре нет такой суверенной силы (например, в виде мировой империи или своего рода мировой федерации), способной упорядочить мир». «Правда, – делает существенную оговорку Иногути, – надо сказать, что признание опасности и оправдание политики на этой основе – весьма субъективная вещь». Говоря о внешней стороне обеспечения безопасности, Иногути различает два вида политики: «активную политику», нацеленную на «покорение» или «гегемонию», и «пассивную политику», которая проявляется в форме «управления» или «лавирования»¹⁹. Насколько субъективна категория «безопасности» в подобной интерпретации свидетельствует уже тот факт, что политика на ее основе непременно предполагает «угрозу». А если ее нет, тогда такую «угрозу» необходимо придумать, чем и занимается пропаганда. Обращает на себя внимание и то, что понятие «безопасность» в толковании Иногути никак не связано с обеспечением суверенитета и территориальной целостности. Это и естественно, поскольку с этой точки зрения Японии никто не угрожает. Если это так, тогда спрашивается, зачем нужна политика «безопасности»? А она необходима, чтобы защитить «государственные интересы», нацеленные на достижение доминирующей роли в мире.

Заметим, что все вышеприведённые суждения японских теоретиков-международников строятся на поле теоретизирования именно в американском стиле, хотя и с некоторыми нюансами, причем на поле школы политического реализма – основного направления ТМО в США. Наиболее выпукло это обнаруживается в их рассуждениях о «силе», которые чуть ли не скопированы с американских схем.

Понятие *сила* по-японски

Фундаментальное положение любой разновидности школы политического реализма заключается в том, что причиной, детерминантой развития истории человечества является борьба за силу. Но превозносить силу еще не означает ответить на вопрос: что же это такое? Правда, среди международников, в том числе и японских, есть некоторое единство в определении функциональной роли силы. Так, уже упоминавшийся Курокава Сюдзи считает, что «пау (так передается английское слово power на японском) есть способность заставить делать других то, что в противном случае они не стали бы делать»²⁰. При этом, как пишет Ханай, ссылаясь на Г. Моргентау, «государство не достигнет своих целей, если оно не будет пользоваться силой, хочет оно того или нет»²¹. Не важно, верно это суждение или нет. Здесь важно другое: что такое сила? Является ли она синонимом мощи? И что такое «гибкая политическая сила»?

Теоретик Ханай так рассчитывает «силу государства» (он употребляет слово «кокурёку»): выделяет материальные ресурсы страны, добавляет к ним военный потенциал и, используя коэффициент сопоставимости (который сам по себе сомнителен), распределяет государства по их «силе», которой они обладали в 1967–1968 гг.: США, СССР, Китай, Индия, Япония, Англия, ФРГ, Франция, Канада, Бразилия²². Метод напоминает схему американца П.С. Клайна.

Замечу, что речь идет о второй половине 1960-х годов, когда началось обсуждение концепции полярности, в основу которой как раз и была положена сила того или иного государства. Получается, что Япония, образующая один из силовых полюсов, по силе уступала и Китаю, и даже Индии, т.е. тем странам, которые в то время не обозначались как полюсы. Очевидная нестыковка. Это было бы возможно, если бы один из элементов силы, скажем, площадь страны или ее население, соизмерялся с таким элементом, как, допустим, экономический потенциал. Но эти вещи несопоставимы, поэтому вышеприведенное ранжирование просто неверно.

Самое удивительное то, что эта «солянка» с определением силы сохранилась в лексиконе японских реалистов и по прошествии почти 40 лет, вплоть до нынешних дней. В одном из последних изданий по теории международных отношений дается такая формулировка этого понятия:

Пау (power) есть способность (норёку), или сила (сорёку) государства. В основном она состоит из военной силы, экономической силы, территории, населения и др. и указывает на способность оказывать влияние на поведение, принятие решений других

государств. В последнее время в качестве основных источников пау стали рассматривать религиозные взгляды, силу культуры и другие невидимые силы. Власть (кэнрёку) также обозначается как сила (тикара)²³.

Такое определение силы, заимствованное из словаря американских теоретиков-реалистов, загнало в тупик всех теоретиков МО, поскольку оно не дает возможности оценить реальную силу государства. Но среди японских ученых был один, который нестандартно подошел к пониманию сущности силы, но которого почему-то проигнорировали его соотечественники. Его имя Маруяма Масао, и на его взглядах есть смысл остановиться поподробнее.

Маруяма Масао

Обычно японские теоретики, будь то философы, социологи или политологи, анализируя общие вопросы теоретического характера, рассматривают проблемы через призму собственной страны, ее истории и культуры. Маруяма, хотя и писал много о Японии, ее особенностях и специфике, но касался и различных аспектов теории в общественных науках, выступая как теоретик, знакомый со всей мировой научной литературой и демонстрируя владение диалектическим методом (крайне редкая способность для буржуазных ученых). В 1953 г. он написал статью для словаря политической науки – «Некоторые проблемы политической силы», которая помещена также в качестве главы в одну из его книг²⁴. Взгляды Маруяма по данному вопросу отличаются даже от взглядов тех западных социологов и международников, которые писали на эту тему через 50 лет после него.

Прежде всего он четко указывает на то, что политическая сила (power) является одним из типов социальной силы (power). Но ее надо отличать от слепой физической силы (force) (р. 268). Последнее предупреждение, думаю, вызвано тем, что в его годы еще были популярны идеи Спенсера, фактически сводящие эти силы в одно явление. Хотя Маруяма и не отрицал, что некоторые политические процессы напоминают процессы в области физики. Например, закон инерции, рассуждает Маруяма, действует, когда революционные силы пытаются преодолеть социальную стагнацию или когда репрессивные силы выступают против неожиданных социальных изменений (р. 269). Аналогии могут напрашиваться и в связи с тем, что сила (force) может означать количество массы и ускорения. Хотя, безусловно, следует осознавать, что силы в обществе отличаются от физических.

В концепции Маруяма сила (он употребляет здесь слово *power*) определяется как *субстанциональное* (независимое) понятие, которое присуще человеку или группе людей. Иначе говоря, он рассматривает силу как субстанцию, силу саму по себе, определенную и неизменную, за которой стоят внешние проявления специфических свойств силы.

А вот другой взгляд на силу, которую Маруяма определяет иначе, а именно: как *взаимодействие*²⁵ при определенных специфических обстоятельствах, и этот взгляд называется реляционным, или функциональным понятием.

Маруяма совершенно справедливо указывает, что сами по себе подходы зависят от политической идеологии авторов, которые в свою очередь историчны. По его мнению, в странах со стабильными режимами, где классовая и социальная мобильность практически отсутствует, превалирует субстанциональная концепция. А в странах, где отсутствует монополия на власть, хорошо развиты формы взаимодействия, что приводит к спонтанному появлению социальных групп, в которых регулярно осуществляется взаимоконтроль. Здесь превалирует функциональная концепция. Конечно же, все эти вещи прежде всего характерны для Западной Европы, которая тяготеет к демократии и конституционализму, и неслучайно эта концепция была представлена в работе Локка *An Essay Concerning Human Understanding* (Книга 2, глава 21).

Вторая, функциональная концепция, объективно отражающая реалии, возникшие еще на стадии разделения труда в первобытном обществе, делает упор на саму организацию как «систему», абстрагированную от индивидуальных межличностных процессов. На этой же стадии зарождается форма самоотчуждения человека. Энгельс дал классический анализ этого процесса, проанализировав процесс перерастания общинной власти в правящий класс и появления *puissance publique* (общественной/народной власти). В конечном счете развитие общества привело к тому, что система, организация, власть и сила стали субстанциями.

Маруяма, в отличие от своих западных коллег, показывает историчность появления такого типа концепции, а самое главное – ее необходимость в те или иные периоды времени или в тех или иных странах в зависимости от конкретной ситуации.

В то же время любая власть (*power*) – это опора на кого-то против кого-то. Чего ради кто-то должен поддерживать власть и чего ради ее надо направлять против кого-то? Маруяма совершенно справедливо связал *power* с «ценностями» тех, над которыми осуществляется эта самая *power*. То есть власть применяется к тем, чьи ценности не совпадают с ценностями тех, у кого власть. И что особенно важно: «она меняется, как только меняются они [ценности]» (р. 272). Например, характер силы, не

важно ложный или верный, могут определять сами силовые отношения как на международной арене, так и во внутренней политике. В этой связи, в частности, потеря престижа как ценностного образа страны на мировой арене часто оказывает колоссальный эффект на силу, даже если не изменились ни экономические параметры, ни военный потенциал.

Здесь есть смысл обратить внимание на любопытное наблюдение Маруяма насчет причин утверждения субстанциональной концепции в марксизме-ленинизме. Он пишет: «В середине XIX века Европа, которая породила марксизм, а в начале XX века Россия, где марксизм развился в ленинизм, находились на стадии “взрыва классов” с последующей дезинтеграцией аристократии; общество в них не было четко структурировано. И это не могло не наложить отпечаток на образ общественно-научной мысли» (р. 274).

А «мысли», естественно, были связаны с тем, как перехватить власть у классового врага и как упорядочить эти аморфные общества после захвата власти. Отсюда упор на сильное государство, власть авторитарного вида, что не могло не переключаться и в законодательную систему. Вместе с тем Маруяма был поражен тем, что марксизм на теоретическом уровне прекрасно объяснил исторические формы власти, а на практике следовал другим, политико-техническим взглядам, не описанным в теории. Вообще-то он был неплохо знаком с теорией марксизма, но, видимо, упустил из виду выражение Ленина: марксизм – не догма, а руководство к действию. То, что создавали большевики на территории России, не имело аналогов ни в существовавшем тогда мире, ни в прошлом. Но это отклонение от темы.

Итак, сила соотносится с ценностями, принятыми обществом. Что же это за «ценности»?

У древних китайцев ответ был простой: сила – это то, от чего зависят жизнь, смерть и собственность. Физическая безопасность любой жизни на протяжении веков была фундаментальной ценностью, которую человечество оберегало. Отсюда и контроль над действиями людей проявлялся в форме возможности лишать этой фундаментальной ценности (через убийство, заключение в тюрьму или наказание). «Таким образом, скрытой угрозой всех сил-power было применение физических средств принуждения и насилия» (р. 276). Но, как замечает Маруяма, даже насилие отступало перед твердым убеждением: свобода или смерть.

Маруяма перечисляет и другие социальные ценности, например определенный уровень благосостояния. Он же отмечает, что для некоторых людей материальные ценности могут оказаться менее значимыми, чем такие нематериальные вещи, как уважение, любовь, репутация, власть и т.п. Он спорит с Гарольдом Ласвеллом

относительно ранжирования ценностей (что ценнее?). Но не это важно. В данном случае важно то, что сама власть становится ценностью, поскольку позволяет реализовывать все остальные ценности. Отсюда обоснованной является и борьба за власть. А отсюда и полшага, который он, к сожалению, не сделал, до вывода, что власть и есть сила, а сила есть власть. Неслучайно американское слово *power* вбирает в себя три значения: власть, государство (аппарат контроля и насилия) и сила сама по себе.

Я здесь не буду вдаваться в детальные рассуждения Маруяма о формах власти, почему коммунисты предпочитают один тип власти, демократы другой – это темы политологии. Здесь важно то, что Маруяма связал силу-power с *ценностями*. И показал, что сила управляет этими ценностями и контролирует их. Но он не ответил на вопрос: а почему эти ценности стали ценностями? И почему сила столь тесно с ними взаимосвязана? Думаю, что он не задавал себе этого вопроса, поскольку его анализ строился в рамках социологии. Тем не менее важно то, что Маруяма сумел избежать ловушки перечисления неких параметров, которые к силе имеют косвенное отношение и сами по себе относятся к другой категории, а именно категории *мощи*. Без разъединения и точного понимания этих двух явлений – силы и мощи – невозможно определить ни то, ни другое.

Специфика тематик в японских ТМО

В рамках ТМО японцы, так же как и их коллеги на Западе, обсуждают весь спектр проблем международной жизни с упором прежде всего на проблему безопасности, главным образом в Восточной Азии, и экономическую глобализацию. По той и другой теме написаны горы литературы. В последнем случае многие монографии изданы под одним и тем же названием – «Теория политэкономии международных отношений» («Кокусай сэйдзи кэйдзай рирон»). И чуть ли не все они написаны в духе известной работы Роберта Гилпина под аналогичной «шапкой». Но есть некоторые темы, которые на Западе не попадают в сферу теории МО. По крайней мере в сферу внимания основных направлений ТМО. Обычно эти темы изучаются в рамках других дисциплин, к примеру социологии или политологии. Я имею в виду в данном случае темы «безопасности человека» и «безопасности народа». Японцы же в своих теориях МО эти проблемы тесно увязывают с международной безопасностью. В западных теориях МО мне ни разу не попадались обсуждения проблем международных отношений под таким названием: «Теория международных отношений. Думая о

повседневности». Но именно так озаглавлена одна из книг по МО, написанная профессором Киотоского женского университета Хацусэ Рюхэй²⁶. Уже сам заголовок обсуждаемых тем крайне непривычен для специалистов по ТМО на Западе. Вряд ли кому из них пришло бы в голову обсуждать темы «Безопасность людей и безопасность человечества», «Теории международных отношений и безопасность детей», «Международные браки и права человека», «Мир и война в истории индивидуума», «Безопасность государства и безопасность народов».

Уже из названия этих глав видно, что многие японские теоретики довольно четко разделяют интересы государства и интересы народа, которые часто не совпадают. И если в советских учебниках по теории МО такое разделение четко прилагалось к капиталистическим государствам, то западные ученые вообще не поднимают этот вопрос, априори исходя из единства государственных и народных (т.е. национальных) интересов. И вообще, своеобразие японских теоретиков ТМО заключается в том, что, каких бы принципов, течений или школ они ни придерживались, они стараются не упускать из вида интересы японцев, японского народа, нередко разоблачая официальную политику государства как противоречащую интересам «нации».

Чтобы не быть голословным, хочу привести материал о стратегии Японии на XXI век, подготовленный экспертами на рубеже веков. Естественно, он многократно был скорректирован за последние 14 лет, но стратегические основы сохранились и по настоящее время. И самое главное – этот материал дает представление о своеобразии японских подходов к анализу мира и места Японии в этом мире.

Обновленный взгляд на XXI век и место Японии в мире

Обычно в период катаклизмов и кризисов, серьезно затрагивающих Японию, руководители страны создают специальные комитеты или советы из наиболее авторитетных политиков, бизнесменов и ученых, которые разрабатывают неординарные проекты по преодолению этих кризисов. Так было во времена премьер-министра М. Охира, по инициативе которого были созданы группа М. Иноки, сформулировавшая концепцию Комплексной национальной безопасности, и группа С. Окита, выдвинувшая идею Тихоокеанского сообщества. При Д. Судзуки и Я. Накасонэ работала группа Маэкава, подготовившая проект административно-финансовой реформы (японский вариант рейгономики и тэтчеризма).

Аналогичная комиссия была создана по инициативе премьер-министра Обути Кэйдзо 30 мая 1999 г., куда вошли 16 «ведущих граждан» из различных сфер

деятельности и 33 эксперта, распределенных по пяти комитетам²⁷. К 18 января 2000 г. они представили окончательный доклад, озаглавленный: Japan's Goals in the 21st Century. The Frontier Within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium (January 2000. The Prime Minister's Commission on Japan's Goals in the 21st Century). Для данной работы интересна глава «Место Японии в мире» (глава 6)²⁸.

Сразу же следует оговориться, что авторы, во-первых, не определили ключевые понятия внешней политики и международных отношений (как это обычно делается в аналогичных документах США). Во-вторых, они не прогнозируют ситуацию в XXI веке, а исходят из возможных «вызовов», при этом не размышляя над степенью их вероятности и масштабности. В-третьих, в будущее они берут наследство XX века, состоящее из «свободы, демократии и японо-американского союза».

Все это означает, что данный доклад является прикладным материалом и представляет размышления группы людей на основе здравого смысла, далекого от понимания закономерностей развития международных отношений. Тем не менее анализ данного доклада может быть полезным, хотя бы для того чтобы оценить мировидение японских экспертов, отражающее мышление научной элиты современной Японии.

Концепция «Просвещенных национальных интересов»

Свое видение вызовов XXI века авторы начинают излагать с предложения взять на вооружение концепцию «Просвещенных национальных интересов» (Enlightened national interests). Сами, правда, они называют ее «стратегией», которая означает «долгосрочный и взвешенный подход в деле удовлетворения потребностей собственной страны путем увеличения количества дружественных государств, уважения интересов других стран и улучшения международной среды на базе "взаимности"» (р. 5).

Призыв к «взаимности», видимо, означает, что прежняя внешняя политика Японии реализовывалась на иной базе, т.е. строилась на *получении выгод только для себя*, или по принципу игры с нулевой суммой.

Указывая на то, что глобализация развивает экономику без границ, а также ускоряет транснациональные потоки людей, денег и товаров, авторы обращают внимание на важную роль в этом процессе негосударственных акторов, т.е. неправительственных организаций (НПО), некоммерческих структур и *других* гражданских организаций. Из этого они делают вывод, что «национальные интересы –

это общественные интересы как целостность» (р. 6) Другими словами, они являются не только государственными интересами.

Любопытно, что японские аналитики впервые подняли проблему соотношения государственных и общественных (национальных) интересов. Самой постановкой вопроса они признавали наличие противоречий между государственными и общественными интересами и потому призывали правительство совместить их на базе концепции «Просвещенных национальных интересов», поскольку именно такая политика «реализует национальные потребности» (р. 6).

Это предполагает, что национальные интересы определяются интересами общества, а общество на основе достоверной информации участвует различными путями в политическом процессе и знает, куда оно движется. Авторы осознают, что такая идеальная конструкция не может быть претворена на практике. Национальные интересы могут конфликтовать с частными интересами, например специальными интересами промышленников, региональными интересами или интересами личности. Даже в Конституции фиксируется, что личные права могут быть ограничены ради общественного блага. Но для того, чтобы сохранялась справедливость, нужно, чтобы политические лидеры были открыты для общественности, а общественные интеллектуалы привлекались для участия во внешнеполитическом процессе (р. 6).

Итак, «Просвещенные национальные интересы» – это интересы, отражающие интересы всего общества, которое одновременно участвует в их формулировании и ставит общественные интересы выше частных или групповых интересов.

Вторым ответом на вызовы XXI века авторы называют «Соседские отношения» (ринко), прежде всего с азиатскими странами. Эту часть я здесь пропускаю из-за отсутствия в ней теоретических размышлений.

Гражданская держава

Официальные лица в Японии постоянно акцентируют внимание на том, что Япония не является милитаристским государством, несмотря на обладание громадным экономическим потенциалом. В 1990-е годы среди японских международников появился термин *гражданская держава* (civil power)²⁹. Авторы разбираемого доклада решили, наконец, придать этому термину доктринальную форму, что выразилось в появлении концепции «гражданской державы». (В японской печати она чаще упоминается как «Глобальная гражданская держава».)

Процесс превращения страны в «гражданскую державу» осуществлялся в ходе поступательной эволюции. На первом этапе, в 1950–1960-е годы, Япония, сконцентрировавшись на «экономизме», добилась внушительных успехов. Это позволило ей как «торговому государству» стать членом ГАТТ (в 1955 г.), а в 60-е годы – членом МВФ и ОЭСР – организаций, считающихся «тремя столпами» свободного мира.

В 1970-е и в 1980-е годы Япония созрела для того, чтобы быть не только экономической державой, но и «многосторонним игроком», т.е. играть и на политической арене. Доктрина Фукуда (1977 г.) стимулировала расширение участия Японии в процессах стабилизации в Азии с опорой на экономические инструменты политики. Деятельность премьер-министра М. Охира содействовала продвижению концепции Тихоокеанского сообщества, которая привела к установлению ПЭКК (Pacific Economic Cooperation Council) в начале 1980-х годов, а позже, в 1989 г. – АТЭС³⁰. Япония активно вторглась в проблемы безопасности, в том числе через участие на встречах в верхах Группы-7.

Своего пика как экономическая держава Япония достигла в конце 1980-х годов. Персидский кризис 1990 г. резко поставил вопрос об участии Японии в мировых процессах по поддержанию мира и безопасности. Утвержденный парламентом в 1992 г. Закон о международном сотрудничестве по поддержанию мира позволяет теперь стране на законных основаниях направлять войска Сил самообороны (ССО) в «горячие» точки земного шара, что расценивается как повышение роли Японии в сфере политики и безопасности.

Концепция «гражданской державы» вбирает в себя три принципиальных пункта: 1) вовлечение в проблемы безопасности; 2) участие в глобальной системе, в частности в построении международного экономического порядка; 3) сотрудничество с развивающимися странами через механизм Официальной помощи развитию (ОПР) (р. 10).

Первый пункт, относящийся к безопасности, прежде всего означает, что Япония и в XXI веке не намерена использовать военную силу как средство разрешения национальных споров. «Японцы не будут использовать силу, – пишут авторы доклада, – даже для возвращения территорий, которые принадлежат им по праву» (р. 12).

В то же время нет никаких гарантий, что в XXI веке возникнут такие благоприятные условия, которые позволили бы забыть о внешней безопасности. В этой связи как бы в ответ на требования националистов превратить Японию в самостоятельную военную державу авторы указывают: во-первых, это потребует более значительных военных расходов без гарантий усиления безопасности, во-

вторых, это может вызвать шок у азиатских соседей Японии. Поэтому оптимальным вариантом является продолжение сотрудничества с США на базе японо-американской системы безопасности, в рамках которой должна осуществляться скромная модернизация японских ССО. То есть они предлагают то, что уже и делается на практике в сфере безопасности.

Участие Японии в укреплении международной безопасности предполагается через ООНовские организации, а также через Совет Безопасности ООН, куда Токио рассчитывает попасть, между прочим, надеясь на поддержку и России.

Реализация второго пункта – участие в глобализации и построении международного экономического порядка – прежде всего предполагается через международные финансово-экономические организации, в которых следует по мере возможности усиливать позиции Японии. Их задача, по мнению составителей доклада, сократить брешь между богатыми и бедными странами, которая углубляется, в том числе из-за глобализации, по-разному работающей в системе богатых и развивающихся государств (р. 15).

Наконец, третий пункт – помощь развивающимся странам через механизм ОПР. Это особое направление японской внешней политики. Его специфика заключается в том, что через механизм помощи Япония фактически привязывает эти страны к японской экономике. Но и здесь авторы доклада усматривают проблемы. Дело в том, что по масштабам ОПР Япония находится на первом месте в мире среди всех развитых государств. Но по затратам на ОПР относительно ВВП Япония оказывается в тройке последних из 21 страны ОЭСР. Поэтому необходимо увеличить эту помощь, а также оптимизировать ее структуру (р.16–7).

Специфика изложенных идей заключается в том, что они не предшествовали практике японской внешней политики, а отразили эту политику. То есть не теория формирует практику, а практика отражается в теории. Звучит почти по-марксистски. Единственно новым в теории является сам термин – *гражданская держава*, призванный подчеркнуть невоенный характер японского государства. В рамках этого «обновленного взгляда-стратегии», однако, есть еще одно нововведение.

Политика слов

В японской политологии впервые появилось словосочетание «политика слов». Идея заключается в том, что обычно в качестве инструментов политического воздействия использовались «политика силы», затем «политика денег». Теперь настала пора

обратиться к «политике слов». Иначе говоря, необходимо научиться влиять и воздействовать на международную общественность или на государства путем убеждения, т.е. превращать язык в орудие достижения тех или иных целей.

Это – необычная постановка вопроса даже для мировой политологии. Одно дело рассуждать о «силе слов» применительно к межличностным отношениям для достижения личного успеха, как этому учит Дейл Карнеги, другое – вывести искусство языка на уровень межгосударственных, или политических отношений. Хотя в мировой истории известно немало случаев, когда «слово» меняло ее ход. Авторы в этой связи напоминают пламенную речь Антония перед сенатом, которая кардинально изменила внутреннюю и внешнюю политику Римской империи после убийства Брутом Цезаря (в последнем случае, правда, сработала «сила кинжала»). Из советской истории в этой связи можно напомнить блестящую речь (на трех языках) В.Г. Чичерина на Генуэзской конференции (1922 г.), которая повлияла на настроение делегатов в пользу благожелательности в отношении тогдашней молодой Советской Республики. Кстати, все большевистские лидеры (за исключением Сталина) обладали ораторским красноречием, что являлось одним из важнейших инструментов в процессе захвата власти. «Языку» в немалой степени обязаны своей популярностью Н. Хрущев и М. Горбачев, особенно последний, способный к удивлению всех говорить «без бумажки». Чудо после брежневского мычания! Американские президенты почти все, за редким исключением, обладали красноречием и юмором. Между прочим, даже официальные документы США отмечены художественным своеобразием (шутки, цитаты из классиков, не канцелярский стиль и т.д.), что повышает их читабельность. И наоборот, официальные японские документы, на что обращают внимание авторы, из-за канцеляризма, сухости и бесцветности практически невозможно читать, с чем я согласен на сто процентов. Это, между прочим, относится и к канцеляризму российских официальных документов, способных отбить к ним интерес уже с первых строк. Это касается и выступлений на международных форумах. Самые бесцветные выступления – это выступления японцев и русских. Самые живые выступления – американцев³¹.

Таким образом, тема «политика слов», как может показаться, не столь уж экзотична.

В концепции «гражданской державы» эта проблема, точнее ее решение, увязывается со всей внутренней инфраструктурой, работающей на внешнюю политику. Ее недостатки, по мнению авторов, заключаются в следующем.

Спецификой японской модели внешнеполитического процесса является ограниченность доступа к информации, касающейся внешней политики Японии. Чтобы наглядно представить эту проблему, достаточно сравнить материалы канцелярии

премьер-министра, МИДа, Управления национальной обороны, Министерства экономики, торговли и промышленности, Министерства финансов с аналогичными материалами американских ведомств, размещенных на сайтах Интернета. Разница огромная. Ограниченность доступа к информации, естественно, ограничивает участие широкой общественности во внешнеполитическом процессе.

В Японии отсутствует и механизм публичного обсуждения внешнеполитических проблем между высшими бюрократами, лидерами финансово-промышленных кругов и академической элитой, а всех вместе – с общественностью.

Другая проблема – это сбор знаний о мире, одним из каналов которого являются представительства за рубежом. Проблема в том, что по количеству персонала посольств Япония значительно уступает другим развитым государствам. В некоторых странах вообще отсутствуют японские посольства.

Авторы обращают внимание еще на одну проблему – нехватка научно-исследовательских институтов, покрывающих своими исследованиями «каждый регион». Особенно не хватает специалистов по изучению проблем экологии, народонаселения, продовольствия, миграции беженцев, терроризма.

Актуально стоит вопрос и об улучшении качества обучения студентов международного профиля, которое, по мнению экспертов, «не адекватно по сравнению с тем, что существует на Западе» (р. 19). Количество японских студентов, обучающихся за рубежом, и наоборот, иностранцев, обучающихся в Японии, необходимо расширять, а в качестве инициативы они предлагают создать в Японии Университет АТЭС.

Необходимо также решать проблему низкого уровня интереса японцев к международным делам. В США международными проблемами и внешней политикой интересуется 5% населения, т.е. около 12 млн человек. Это немного, но в Японии, если бы интерес проявляли к названным темам те же 5%, эта цифра составила бы всего лишь 6 млн человек, хотя на самом деле, полагают авторы, их количество значительно меньше. (Здесь авторы почему-то не учитывают, что и население Японии почти в три раза меньше, чем в США.)

По примеру США Япония нуждается в создании форумов по обсуждению проблем внешней политики на уровне всей нации. Существующих организаций типа японо-американских обществ явно недостаточно. Авторы приводят в пример США, где функционируют Советы по международным делам Америки (the World Affairs Councils of America – WACA), которые имеют 100 региональных подразделений с количеством членов в 370 тыс. человек, контактирующих с 24 млн граждан в год (р. 20).

Наконец, еще один важный аспект инфраструктуры – знание английского языка, ставшего интернациональным языком, помимо всего прочего, благодаря Интернету и глобализации. В Японии, кстати, всерьез обсуждается тема введения английского языка как второго официального языка в стране. Авторы рекомендуют все официальные документы парламента и правительства переводить на английский язык для рассылки их через Интернет.

Общий вывод. Если страна хочет всерьез реализовать идеи, принципы и цели «гражданской державы», необходимо сформировать новую инфраструктуру внутри страны.

Осознавая, что реализация подобной концепции может оказаться непростым делом и отвергая как «легковерный оптимизм», так и «фанатичный пессимизм», авторы, тем не менее, выражают «эластичный оптимизм» (resilient optimism).

Следует признать, что данный доклад и идеи, заложенные в концепции «Просвещенных национальных интересов» и «гражданского общества», несмотря на многие банальные и утопичные положения, действительно резко контрастируют с представлениями других политологических школ. Они ближе к реальности и, самое главное, они укладываются в финансовые возможности Японии. Некоторые же положения, например о «политике слов», вообще можно признать революционными хотя бы потому, что эта тема в таком контексте нигде не обсуждается.

* * *

Анализ теории международных отношений в контексте японских реалий еще раз подтверждает представления о Японии как стране, отличающейся не только от Запада, но и от других стран Восточной Азии. Хотя японские ученые хорошо знакомы с западными теориями МО и нередко используют понятийно-терминологический аппарат различных школ и направлений, однако применяют их в своем, переработанном, японизированном варианте, точно так же, как и все достижения науки и техники Запада. Отсюда японизированное понимание и ключевых слов, терминов и понятий ТМО, несовпадающее с трактовками этих же слов, терминов и понятий на Западе, включая и марксистскую ветвь западной мысли. Это вызвано не только своеобразием японского мышления, которому не присуще копание в понятийных глубинах на западный манер. Это связано и с тем, что до сих пор все теории, течения и школы в рамках ТМО не образовали целостную науку, которая обладала бы своим научным лексиконом и рядом фундаментальных закономерностей, на основе которых развивалась бы эта наука. Даже несмотря на специфику японского мышления, оно не в состоянии японизировать законы Ньютона или Эйнштейна, точно так же как и экономические законы Маркса, поскольку они объективны и не зависят от сознания. В

ТМО таких законов нет, а есть теории, которые трактуются по-разному в зависимости не только от идеологий, но и национального характера.

Следует подчеркнуть, что Япония не создала собственных парадигмальных теорий МО, хотя и внесла некоторые нюансы в основные течения ТМО Запада. Это говорит о том, что японские теоретики не являются таковыми по западным стандартам. По этим стандартам – они, за редким исключением, остаются международниками, когда речь идет о так называемых, по выражению Иногути, позитивистах. Остальные течения представляют собой традиционные методы анализа, достаточно удобные для изучения истории внешней политики и международных отношений. И с этих точек зрения стоит признать правоту Иногути, который на вопрос есть ли теоретики «западного образца» в Японии, ответил – нет.

Самое удивительное, что самих японских ученых эта проблема не волнует, о чем можно судить по отсутствию дискуссий на эту тему. Они комфортно себя чувствуют в своем японском мировидении, адаптируя представления под реальности того же мира, к которому они с немалым искусством приспособливают и внешнюю политику Японии. Открытия, или создание наук – дело Запада.

¹ Вначале указывается фамилия, затем имя.

² Цит. по: *1980-нэндай нихонгайко-но синро* (Внешняя политика Японии в 1980-е годы). Токио, 1980, с. 4.

³ *Цуруми К.* Кокисин то нихондзин. Тадзюкодзо то сякай-но рирон (Любопытство и японцы. Теория общества с многослойной структурой). Токио, 1972, с. 124.

⁴ Цит. по: *Нихондзин-но сисо-то кодзо* (Мышление и поведение японцев). Токио, 1973, с. 129.

⁵ Такая адаптивная логика применительно к внешней политике Японии у японских международников обозначается многими терминами, такими как «дипломатия приспособления» (тайокэй-но гайко), «дипломатия адаптации к ситуации» (дзёкё-ни цуйхокэй, или цуйдзуйкэй-но гайко), «дипломатия низкого профиля» (тэйсисэй гайко). Подр. см.: *Алиев Р.Ш-А. [Бэттлер Алекс].* Внешняя политика Японии в 70-е – начале 80-х годов (Теория и практика). Москва: Наука, 1976, с. 140–8.

⁶ *Inoguchi Takashi.* Why are there no non-Western theories of international relations? The case of Japan. – *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia.* Edited by Amitav Acharya and Barry Buzan. London and New York: Routledge, 2010.

⁷ Это сказывается и в отношении английского языка. В отличие от многих государств Восточной Азии, которые слепо внедряют американский англоязы, японцы крайне осторожно относятся к внедрению английских слов в свой родной язык. В частности, этот процесс тщательно контролируется Министерством просвещения.

⁸ *Курокава Сюдзи.* Гэндай кокусай канкэй рон (Теория современных международных отношений). Токё: Кокусай сёин, 2009.

⁹ *Ёсикава Наото, Ногути Кадзухико (отв.ред.).* Кокусай канкэй рирон (Теория международных отношений). Токё: Кэйсёсёбо, 2011, с. 342–3.

¹⁰ Для примера см.: *Томита Нобуо, Сонэ Ясунори* (отв. ред.). Сэкайсэйдзи-но нака-но нихон сэйдзи. Такёкка дзидай-но сэнсо-то сэндзюцу (Политика Японии в мировой политике. Стратегия и тактика в эпоху многополярности). Токё: Юбикаку, 1983.

¹¹ *Ханаи Хитоси.* Кокусай канкэйрон (Теория международных отношений). Токё: Тоё кэйдзай симбунся, 1978, с. 29.

¹² *Таякянаги С.* Гэндай кокусай канкё-но тагэнтэки косэй (Многополярная структура современной международной обстановки). – Кокусай мондай. 1974, №4, с. 4.

¹³ Там же, с. 6.

¹⁴ Тема, которая до сих пор мусолится среди теоретиков МО на Западе.

¹⁵ *Вага гайко-но кинкё* (Голубая книга МИД Японии), 1972, № 16, с. 418.

¹⁶ *Ханаи,* там же, с. 29.

¹⁷ Ханаи, там же, с. 56.

¹⁸ Иногуги. Кокусай сэйдзи кэйдзай-но кодзу. Сэнсо-то цусё-ни миру хакэн сэйсуй-но кисэки (Структура международной политики и экономики. Превратности гегемонии в торговле и политике). Токио, 1972, с. 61.

¹⁹ Там же, сс. 61, 64.

²⁰ Курокава, там же, с. 13.

²¹ Ханаи, там же, с. 31.

²² Ханаи, там же, с. 49.

²³ Ёсикава, Ногуги (отв. ред.). Кокусай канкэй рирон (Теория международных отношений), с. 348.

²⁴ Магуата. Thought and Behavior in Modern Japanese Politics. Expanded Edition. Tokyo, Oxford, New York: Oxford University Press 1979.

²⁵ Интересно, что определение «сила есть "взаимодействие"» в последующем будет детально проанализировано немецким социологом Никлосом Луманом с использованием термина *коммуникация*.

²⁶ Хацусэ Рюхэй. Кокусай канкэйрон. Нитидзёсэй-дэ кангаэру (Теория международных отношений. Думая об повседневности). Токё: Хорицу бункаса, 2011.

²⁷ Название комитетов: 1) Место Японии в мире; 2) Процветание и динамизм; 3) Достижение обеспеченной и богатой жизни; 4) Красивая страна и безопасное общество; 5) Будущее японцев.

²⁸ Этот документ помещен на сайте премьер-министра Японии. Хотя документ дан в формате PDF, но не целиком, а разбит на главы. В результате страницы даны не сквозные через весь документ, а по главам, т.е. каждая глава начинается со страницы 1. В написании главы «Место Японии в мире» участвовали: Ёкибэ Макото (председатель подкомитета), Тино Кэйко, Фунабаси Ёити, Китаока Синъити, Кокубун Рёсэй, Наканиси Хироси, Сэкикава Нацуо, Сойя Ёсида, Такара Кураёси, Танака Акихико.

²⁹ Этот термин впервые в 1990 г. использовал в одной из своих статей немец Ханс В. Мауль для характеристики ФРГ, а в 1991 г. – главный редактор газеты «Асахи» Фунабаси Ёити (Funabashi Yoichi) в книге «Japan as Global Civilian Power» для характеристики Японии.

³⁰ О причинах провала концепции Тихоокеанского сообщества и в целом «Азиатско-Тихоокеанского региона как центра мировой политики» см.: Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Москва: Флинта, Наука, 1997.

³¹ Правда, и в этом случае нужно учитывать культурные особенности японцев. Шутящий человек – несерьезный человек. Чтобы дело имело оттенок серьезности, японский докладчик не должен шутить. Но это – отдельная культурологическая тема.

Олег А. Арин

25.09.2014

Опубликовано в: Япония 2014. Ежегодник. М.: «АИРО–XXI», 2014, с.44–70.